

Ян Е впери́л яростный взор в Лин Шу. Засучив рукава, он уже готов был ринуться на чиновника — бог весть, что он собирался сотворить. Бэйчэнь Цин торопливо преградил ему путь, увлекая буяна за порог. Он зашептал ему что-то на ухо; Ян Е, шумно и яростно дыша, смерил его долгим взглядом, но в конце концов неохотно развернулся и ушёл. Бэйчэнь Цин же зашёл в комнату вслед за Лин Шу.

Лин Шу уселся за письменный стол и жестом велел слугам удалиться, однако на Бэйчэнь Цина не обратил ни малейшего внимания. Не видя иного выхода, тот сам пододвинул стул, сел напротив и заговорил:

— Господин Лин, прошу прощения за то, что мы только что подглядывали за вами. Я видел, как вы писали письмо, и его содержание мне в общих чертах известно. Не считите за дерзость, но откуда у вас сведения, будто князь Чжао утаивает истинную численность войск, копит силы и замышляет мятеж?

— Было бы странно, если бы вы признались в измене, — сухо отозвался Лин Шу.

Он небрежно взял со стола синюю тетрадь и принялся неторопливо перелистывать страницы, мимоходом продолжая:

— Согласно донесениям, на заставе Фэньюй у вас расквартировано семьдесят тысяч человек: шесть тысяч всадников, десять тысяч арбалетчиков и пятьдесят четыре тысячи пехотинцев. Однако, судя по моим вчерашним подсчетам и наблюдениям, здесь находится по меньшей мере на тридцать тысяч душ больше. И этот излишек приходится как раз на конницу и стрелков. Более того, в тридцати ли к востоку отсюда, в Вишнёвом ущелье, под предлогом освоения целинных земель для местных крестьян у вас скрыто ещё пятнадцать тысяч воинов. И вооружены они куда лучше, чем регулярные части лагеря. На перевале Старое Горло вы выделили смотрителю Ли восемнадцать тысяч человек якобы для помощи в обороне, о чём тоже умолчали, списав их на общую численность заставы Фэньюй. И это я ещё не считаю двадцатитысячную конницу Юань Оумина.

За год и три месяца, что вы держите заставу Фэньюй, вы провели девятнадцать сражений с государством Сицзя — от мелких стычек до крупных битв. Ни разу вы не атаковали первыми, неизменно обороняясь и разбивая превосходящие силы врага благодаря выгодному рельефу. При этом в битве на реке Фениксового Хвоста восьмого марта прошлого года империя Да Янь потеряла две тысячи двести воинов, тогда как вы доложили о пяти тысячах погибших. Девятнадцатого апреля прошлого года в бою у Ивовой заставы, по моим сведениям, вы и вовсе не понесли потерь, но в столицу ушёл рапорт о четырёх тысячах павших. И так во всём. На сегодняшний день ваша армия не имеет равных в Да Янь — ни один полководец не располагает такой мощью. Даже если у вас нет умысла бунтовать, зачем втайне копить столь грозные силы? Генерал Бэйчэнь, найдётся ли у вас хоть сколько-нибудь убедительное объяснение?

Бэйчэнь Цин, всегда отличавшийся сдержанностью и хладнокровием, невольно переменился в лице, пока слушал эту гладкую и точную речь. Он не отрывал взгляда от синей тетради в руках чиновника.

— Господин Лин, вы прибыли издалека и пробыли здесь всего два дня, — глухо произнёс он. — Откуда у вас такие подробности? Уверены ли вы в их правдивости? Как чиновник двора, вы не должны бросаться голословными обвинениями и шить князю Чжао государственную измену. Стоит этим слухам разойтись, ложь примут за чистую монету. Как тогда оправдаться Его Высочеству?

Лин Шу слегка постучал тонкими пальцами по столу и бесстрастно обронил:

— Дыма без огня не бывает, у всего есть свои причины. И я никогда не говорю попусту.

Он вскинул на генерала холодные глаза и вдруг добавил:

— А ты преданный слуга.

— Моя преданность здесь ни при чём, — ответил Бэйчэнь Цин.

— Ещё как при чём, — медленно проговорил Лин Шу. — Чрезмерная преданность слепит глаза. А может, вы давно спелись и делите одну нору, словно змеи и мыши. Впрочем, ты ведь его дворовый холоп, а рабская натура неискоренима. Это вполне естественно.

Его слова больно ранили ядом сарказма и в то же время били не в бровь, а в глаз. У Бэйчэнь Цина перехватило дыхание, уголок его рта едва заметно дрогнул, но он долго хранил молчание. Пождав немного, Лин Шу равнодушно бросил:

— Я сказал всё, что хотел, и ты меня прекрасно понял. Можешь идти.

В его ледяном голосе не осталось места для споров.

Бэйчэнь Цин понимал: Лин Шу никак не мог разузнать всё это за двое суток своими силами. Очевидно, в армии засел соглядатай, да и сам чиновник уже давно собирал на них доносы. Но преданность князю Чжао не позволяла ему так просто сдаться. Стиснув зубы, он заговорил вновь:

— Господин Лин, проливать кровь на чужбине под ледяным ветром заставы — дело нелёгкое. Пожалуйста, не верьте наветам подлецов и не позволяйте императору усомниться в нас. Если вы всё ещё колеблетесь, почему бы вам не задержаться здесь подольше? Посмотрите сами, как отчаянно и храбро наши воины бьются с врагами из Сицзя. А со временем князь Чжао лично отправится в столицу на аудиенцию к Его Величеству, дабы подробно отчитаться о каждом своём шаге. Пусть тогда государь сам решит, замышляем ли мы мятеж.

— Ни к чему эти хлопоты, — перебил его Лин Шу. — Пока ты ловил первого гонца, я успел отправить к императору второго. Так что твои речи больше не имеют веса. Да и верить им я не намерен.

— Раз уж вы столь откровенны со мной, господин Лин, то и мне незачем лукавить, — ровным голосом ответил Бэйчэнь Цин. — Я сразу велел маркизу Хуайнань перехватить и второго вашего гонца. Полагаю, сейчас его как раз ведут обратно.

Лин Шу на мгновение замер. Взмахнув широким рукавом, он резко поднялся из-за стола и прищурился, вперив в генерала колючий, пронзительный взгляд:

— И чего ты добьёшься, перехватывая моих людей одного за другим? Раз я не желаю вам верить, вы запрёте меня здесь или сразу решите прикончить, чтобы замести следы?

Бэйчэнь Цин молча смотрел на него, напряжённо просчитывая ходы. В комнате повисла тяжёлая тишина. Лин Шу медленно смерил его взглядом с ног до головы, словно палач, прикидывающий, с какой дыбы начать допрос. Генералу показалось, будто этот взор заживо сдирает с него кожу. На долю секунды в его груди действительно шевельнулась тёмная мысль.

«Убить...»

Но разум мгновенно заставил его отбросить безумный порыв. Убивать Лин Шу нельзя — это лишь подтвердит все обвинения. Однако если оставить его в живых, его доносы рано или поздно доберутся до ушей императора Ян Тао. Как быть?

Вдруг Лин Шу произнёс:

— Распустите лишние войска. Оставшиеся силы, их численность и вооружение подробно перепишите и отправьте реестр Его Величеству. А маркиза Хуайнань отдайте мне — я заберу его в столицу, в Небесную тюрьму. Тогда я, пожалуй, закрою глаза на ваши шалости.

— Это исключено, — без колебаний отрезал Бэйчэнь Цин. — Маркиза я вам не отдам. Да и численность наших войск мы не скрывали, как бы вам ни нашептывали доносчики.

— В таком случае разговор окончен. Свободен, — бросил Лин Шу.

Уходить генерал, разумеется, не собирался. В разгаре этого немого противостояния раздался тихий стук в дверь.

— Войдите, — велел Лин Шу.

На пороге показался гвардеец Ичжэнь, а за его спиной стоял Ян Е, крепко заламывая руки другому императорскому гвардейцу. План Лин Шу отвлечь внимание провалился: Бэйчэнь Цин разгадал уловку, а Ян Е сработал молниеносно, перехватив и второго гонца. Гнев Лин Шу уже утих. Мельком взглянув на пойманного слугу, он безучастно произнёс:

— Я понял. Уже поздно, генерал Бэйчэнь. Мне пора отдыхать, покиньте комнату.

Поняв по суровому лицу чиновника, что договориться не удастся, Бэйчэнь Цин почтительно сложил ладони и вышел.

Ян Е тут же пристал к нему:

— Ну что? Что он сказал?

Бэйчэнь Цин лишь покачал головой и тихо обронил:

— Уходим. Вернёмся в лагерь — обсудим.

Ян Е с досадой толкнул связанного гвардейца, звучно сплюнул в сторону запертой двери Лин Шу и нехотя зашагал следом за генералом.

Едва миновав ворота постоянного двора «Ветер и Облака», оба замерли как вкопанные.

— Я всё слышал из-за двери, — буркнул Ян Е. — Эта ищейка хочет упечь меня в застенки Верховного суда и нарядить в нефритовое одеяние с золотыми нитями. Юньци, я не вернусь туда. Не хочу. Эта штука чертовски болезненная.

Бэйчэнь Цин взглянул на него и вдруг мягко улыбнулся. В его глазах отразилась бесконечная, щемящая нежность.

— Не бойся, — тихо сказал он. — Даже если мне самому придётся примерить это одеяние, я никогда больше не допущу, чтобы ты терпел подобные муки. Пусть Вэй Линьсянь немедленно отправится к князю Чжао и доложит о случившемся. Спросим у Его Высочества, как поступить.

Вэй Линьсянь тут же вскочил в седло и умчался. Бэйчэнь Цин сделал несколько медленных шагов взад-вперёд, погружённый в раздумья.

— Маленький Волк, если мы распустим тайные войска, то сами распишемся в сокращении численности армии. Если оставим всё как есть, этот Лин Шу не отступится. А если убьём его... император рассвирепеет, и тогда жди беды. Этот судейский пёс стал для нас костью в горле. И проглотить нельзя, и выплюнуть не получается.

Ян Е досадно прикусил губу и виновато пробормотал:

— Всё из-за меня... Не нужно было его злить.

— Рано или поздно это всё равно бы случилось, так что не вини себя, — покачал головой Бэйчэнь Цин. — У императора давно зародились подозрения. Не прислал бы Лин Шу — прислал бы кого-то другого. К тому же этот судейский хоть и дерзок на язык, но рубит сплеча, не таясь. Окажись на его месте хитрый лис, он покрутился бы вокруг, усыпил наше внимание, уехал по-тихому и ударил в спину. Вот тогда нам пришлось бы совсем худо.

Он устремил взор в чернильную ночную высь, туда, где за горизонтом стоял лагерем князь Чжао.

— Маленький Волк, я с малых лет предан Его Высочеству. Куда бы он ни указал — хоть в пекло, хоть под клинки — я пойду за ним не задумываясь.

Генерал шагнул ближе и, понизив голос до едва различимого шёпота, признался:

— В ту ночь я оборвал тебя на полуслове... Но знай: я чувствую то же самое. Просто не смел сказать вслух. Наша армия едва укомплектована, сейчас не лучшее время для решительных шагов. На севере Сицзя только и ждёт повода отомстить за бывшие поражения; их лазутчики рыщут у заставы. Стоит нам поднять мятеж, как они тут же ударят в спину. Нам нужно выиграть время. Хоть немного, чтобы укрепить позиции.

Сердце Ян Е гулко забилося в груди.

— А брат? Ты говорил с ним об этом?

Бэйчэнь Цин горько усмехнулся и покачал головой:

— Нет. С моей стороны это было бы верхом дерзости. Тебе расспросить его будет куда проще.

— Да какая разница? Ну взбунтуемся мы, и что с того? — лихо хмыкнул Ян Е. — Пусть себе нападают эти степняки! Настоящие герои рождаются в огне смуты. Прорвёмся с боем прямо до Лояна! К чему эта излишняя робость, Юньци?

Взглянув на его буйный нрав, Бэйчэнь Цин строго оборвал:

— Тише, Маленький Волк. На кону стоят тысячи жизней. Решать должен только князь Чжао.

— Но если никто не подтолкнёт его к действию, разве он решится? Как он сделает этот выбор?

Договорить они не успели. В темноте громом прокатился конский топот, и пред ними вихрем предстал Вэй Линьсянь. Спешившись на полном скаку, он взволнованно крикнул:

— Юньци! Срочные вести из дозора! Армия Сицзя начала внезапное ночное наступление, идут огромной лавиной! Я успел вкратце доложить Его Высочеству о наших делах с судейским псом. Князь велел вам с Маленьким Волком разобраться с этим на месте, а сам вместе с генералом Юанем спешно повёл полки навстречу врагу!

Бэйчэнь Цин вздрогнул и вскинул голову. В зените сияла полная, серебряная луна.

— Вот же проклятье... В полнолуние степняки всегда идут на прорыв, как я мог позабыть! — Генерал заметался от тревоги. — Князь Чжао в пылу сражения непременно лично полезет в самую гущу боя! Мне нужно быть там! Я должен...

Его съедал страх за господина. Ян Е мгновенно всё понял. Шагнув вперёд, он бесцеремонно запустил руку за пазуху генералу и выудил оттуда командный жетон.

— Оставь мне арбалетчиков. Я сам разберусь с этим судейским вырождением.

— Не наломай дров, — бросил на ходу Бэйчэнь Цин. — Главное — потяни время. Как только разобьём Сицзя, сразу решим, что делать с Лин Шу. Я ухажу!

Вэй Линьсянь подвёл ему коня, и генерал умчался во мрак.

Ян Е проводил его взглядом, а затем яростно гаркнул:

— Эй! Живо трубите сбор! Окружить этот паршивый притон!

Тысяча арбалетчиков и личная гвардия Ян Е бесшумными тенями стянулись к постоялому двору «Ветер и Облака». Вокруг ютились редкие крестьянские лачуги, стоявшие поодаль. Опасаясь, что хозяин заведения, прислуга или постояльцы из первых двух дворов поднимут переполох, Ян Е решил действовать без церемоний. Солдаты ворвались внутрь и, словно голодные волки, бесцеремонно выставили всех на улицу под конвоем, загнав в ближайшие хижины для временного содержания.

Владелец постоялого двора не успел даже пикнуть, как верные подручные Ян Е — Сяо Наньань и Бай Тинби — приставили к его горлу острый клинок, одновременно всучив в дрожащие руки увесистую пачку ассигнаций. Поняв этот недвусмысленный язык кнута и пряника, трактирщик мгновенно прикусил язык.

Несмотря на весь этот шум, обитатели третьего, самого дальнего двора — Лин Шу и его гвардейцы Ичжэнь — не подавали признаков жизни. Опасаясь отравленных стрел императорских ищеек, Ян Е не решался отдать приказ о штурме. Он лишь велел сомкнуть кольцо окружения в три плотных ряда вокруг здания.

— Милорд, каковы будут указания? — вкрадчиво поинтересовался Вэй Линьсянь.

— Ждём, — отрезал Ян Е.

Тем временем в глубине постоянного двора один из гвардейцев Ичжэнь докладывал Лин Шу:

— Господин Лин, нас взяли в кольцо. Снаружи около тысячи солдат. Всех посторонних из заведения уже выгнали.

Лин Шу лишь презрительно фыркнул:

— Жалкие потуги загнанных в угол шавок. Не обращайтесь внимания. Поглядим, насколько хватит смелости у этого Бэйчэнь Цина.

Наступило утро, но судейский пёс и его стража по-прежнему не выказывали ни малейшего беспокойства — в усадьбе стояла гробовая тишина. Ян Е, чьё терпение таяло на глазах, окончательно рассвирепел.

— А ну-ка, — приказал он солдатам, — орите во всю глотку: «Выползай, судейская ищейка!»

Вэй Линьсянь передал приказ, и тысяча глоток разом взревела:

— Выползай, судейская ищейка! Выходи на смерть!

От этого грохота, казалось, содрогнулась сама земля. Лин Шу, спавший в своей постели, мгновенно проснулся. Дун Чунь, Дун Гэ и двое личных слуг тут же бросились к нему. Натягивая одежды, чиновник хмуро спросил:

— Кто там надрывается на улице?

— Маркиз Хуайнань, господин Лин, — отозвался гвардеец.

Лин Шу нахмурился:

— А где Бэйчэнь Цин?

— Ушёл ещё ночью, господин.

Лин Шу резко поднялся с постели. Дун Чунь и Дун Гэ поспешно набросили ему на плечи верхнее платье.

— Если остался один этот дикарь... — прошептал Лин Шу. — Готовьте кисть и тушь!

Он быстрым шагом подошёл к письменному столу и принялся яростно писать. Кисть летала в его пальцах, рождая один иероглиф за другим. Он написал десять одинаковых писем, после чего скомандовал:

— Сюда Мо Фэна, Мо Яна и остальных!

Эти гвардейцы с иероглифом «Мо» в именах были лучшими мастерами лёгкого шага среди его людей. В эту поездку Лин Шу взял с собой ровно десятерых таких умельцев.

Он бережно вручил каждому по посланию и серьёзно произнёс:

— Маркиз Хуайнань — не рассудительный Бэйчэнь Цин. В своём безумии этот варвар способен на любую глупость. Если начнётся заваруха, я с остальными воинами отвлеку их внимание на себя. Вы же должны прорваться и уйти в столицу десятью разными путями. Тот, кто первым доставит письмо в руки Его Величества, получит тысячу золотых ланов.

<http://bllate.org/book/19546/1986496>